

Ожуджава Булат

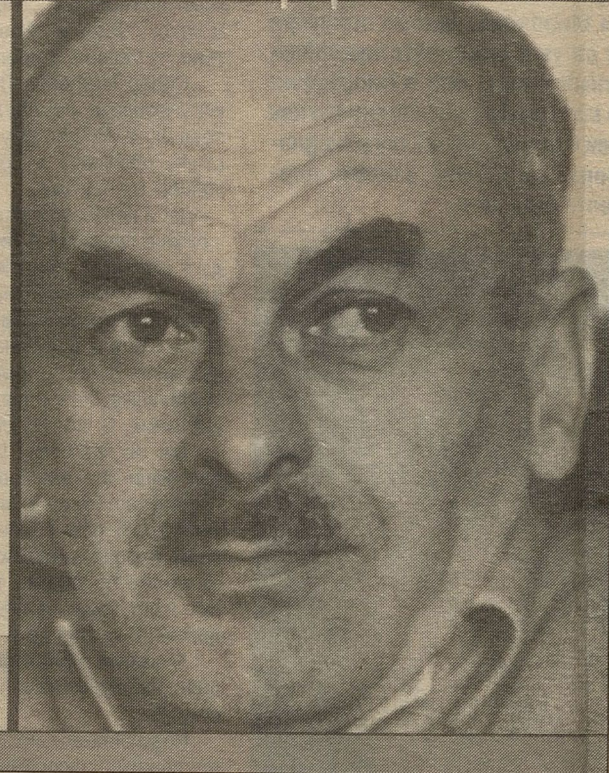
3.12.03

3.12.2003

Встречи в зале ожидания

вспоминания о Булате

В. Шалвович

При всей популярности его песен, которые согревали миллионы людей, при безраздельной любви тысяч поклонников, о которой он не мог не знать, Булат Шалвович мало с кем делился тем, что разрывало его жизнь. Иногда в стихах он становился более конкретен - «О чем ты думал, мой отец расстрелянный», но в основном он пел о том, что близко любому и каждому. И очень редко, в отличие, к примеру, от Высоцкого или Галича - о своей боли.

А ведь трагедий в жизни у него хватало. И сломанные судьбы родителей, и злоключения сына, отсидевшего в тюрьме и в конце концов ушедшего из жизни раньше отца. И смерть первой жены, которую Ожуджава переживал до конца своих дней. И травля советской прессы, и проработки в партийных кабинетах. Говорят, он сказал секретарю ЦК, когда тот потребовал

опровержения «клеветнической кампании» западных радиоголосов вокруг его песен: «Мне с собою жить до конца дней, а Вася, может быть, вообще больше никогда не увижу».

А что только о нем не писали! И кто теперь помнит каких-то Адова или Лисочкина, выдававших, к примеру, такие перлы: «Кто же любители песенного творчества Ожуджавы? Ответим прямо: в большинстве падкие до всяких сенсаций экзальтированные молодые люди, которых привлекает все, что считается модным, что способно вызвать слезу у неприятеля обывателя... Булат Ожуджава - Вертинский для неуспевающих студентов. Впрочем, есть у поэта и хорошие стихи. Мы убеждены, что если бы на лучшие тексты Ожуджавы написал бы музыку профессиональный композитор, песни прозвучали бы иначе, освобожденные от мрачно-

го музыкального сопровождения».

Автор этих строк хотя бы не призывал к оргвыводам. Другие поступали иначе. «Что представляют из себя его стихи и песни. О какой-нибудь требовательности поэта к себе говорить не представляется возможным. Былинный повтор, звон стиха символистов, рубленный ритм раннего футуризма, тоска кабацкая, приемы фольклора - здесь перемешано все подряд. Добавьте к этому добрую толику любви, портянок и пшенной каши - и рецепт готов... И куда он зовет? Невооруженным глазом видна тенденция войти в сплошную подтекст, возвести какую-то бессмыслицу... Тянутся за этим всякая тина и муть, скандальная слава и низкопробный ажиотаж».

Как ни странно, эти доноски по своему были правы. И наследовал Булат Шалвович лучшие традиции русской поэзии и, конечно, песенного фольклора, одним из королей которого, само собой, был Вертинский. И, безусловно, слушатели его никак не мечтали о высотах коммунизма, или, во всяком случае, песни Ожуджавы напоминали им совсем о другом.

Говорят, никогда не надо торопиться ставить памятники, называть улицы в память недавно ушедших. Время все должно расставить по своим местам. Утверждение довольно циничное, потому что когда умирает тот, кто занимал значительное место в твоей жизни, всегда торопишься хоть чем-то выразить ему свою признательность. А что говорить об Ожуджаве, песни которого любили и любят столько людей.

Но были и те, кого он дарил своей достаточно близкой дружбой. Кто с ним работал, выступал в переполненных залах Сибири и Америки,

кому он посвящал стихи и песни. Кто вместе с ним создавал фильмы, многие из которых сегодня обрели бессмертие именно благодаря балладам Ожуджавы. Кто бок о бок рядом с ним противостоял вязкой партцензуре. И сегодня они, иногда торопясь, вздохнув, пытаются вспомнить незабываемые годы общения и еще раз сформулировать, что же он все-таки значил в их судьбе.

«Зал ожидания» - так назвал Ожуджава свою последнюю прижизненную книгу стихов, увидевшую свет в том же нижегородском ДЕКОме в 1996 году. Когда главный редактор издательства Яков Гройсман привез поэту в Переделкино сигнальные экземпляры, тот сказал ему: «Кажется, все, что мне было предопределено свыше, я уже выполнил».

О том, как и что ему удалось выполнить, и рассказывают авторы этой, безусловно, очень удачной, иллюстрированной множеством фотографий книги.

Здесь и рассказы друзей кинематографистов Петра Тодоровского и Владимира Мотыля о совместной работе над фильмами, ставшими эпохой в нашей культуре. Самое интересное что на первый взгляд абсолютно далекие от потрясения основ советской государственности песни с большим трудом допускались на экран. А фильм «Лес» не в последнюю очередь из-за куплетов вольнолюбивых бродячих артистов, написанных Булатом Шалвовичем, был положен на полку.

Но зато каков был результат его работы в кино! Можно ли сегодня представить русскую песню без «Ваше благородие, госпожа удача» и «Здесь птицы не поют». А какой автор золотопогонных романсов может написать хоть что-нибудь похо-

жее на «Кавалергарда век недолг». Песни, в которой с такой силой воплотились вся современная тоска по офицерской чести ушедших эпох.

Но вернемся к книге. Здесь и воспоминания Евтушенко о его визит к Гришину, когда Булата Шалвовича удалось спасти от исключения из партии, и рассказы нашего знаменитого «орфея звука» Льва Шилова о первых профессиональных записях ожуджавских песен. Мы окунаемся в американский триумф поэта, когда битком набитые залы не хотели отпускать человека, бывшего для них символом оставленной страны. Вместе с Наумом Коржавиным вспоминаем их совместную работу в «Литературной газете», вслушиваемся в рассуждения Станислава Рассадина, размышляющего о том, почему Ожуджава вызывал такую ненависть у партийного руководства и тех, кто так мечтал о возврате к «сильной руке». Блистательный художник Сергей Авакян пишет о создании портрета мастера, а Сергей Никитин - о счастье общения и аккомпанемента неповторимым балладам великого барда. «Композиторы меня ненавидели, гитаристы презирали, вокалисты на меня были обижены все время почему-то», - говорил сам Булат Шалвович. А замечательный композитор российского кино Исаак Шварц, чьи воспоминания открывают сборник, наоборот, часто отказывался от своих замыслов в пользу ожуджавских мелодий.

Словом, всем, кто захочет еще раз прикоснуться к образу Булата Ожуджавы, подарившего нам столько минут надежды, от души рекомендуем посетить зал ожидания нижегородского ДЕКОма.

Виктор ЛЕОНИДОВ.

Рос. вести. - 2003. - 3 Дек. - с. 22 44 (1704)

«Я ВНОВЬ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С НАДЕЖДОЙ...»

«Предопределенность трагедии Булата в том, что он прожил жуткую жизнь сироты. После расстрела его отца и после того, как мать арестовали и отправили в лагерь, где она провела почти двадцать лет, он ушел на фронт добровольцем. Сын «врагов народа», он не верил в виновность родителей и оставался патриотом своего Отечества не на словах. Переживания, которые Булат перенес еще юношей, думаю, были самыми тяжкими».